

Ирина Рикас

Соленые реки

Повесть о переводчиках

Ирина Рикас

Соленые реки

«ИП Астапов»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Рикас И. Н.

Соленые реки / И. Н. Рикас — «ИП Астапов», 2014

ISBN 978-5-7164-0611-7

«Соленые реки» – это история о выпускниках факультетов иностранных языков, работавших в Африке в конце 20 века. В последние десятилетия существования Советского Союза тысячи советских специалистов работали в странах, принявших «социалистический» путь развития. Это были люди самых разных специальностей: инженеры, врачи, преподаватели, рыбаки, летчики. Все они нуждались в переводчиках. Вооруженные конфликты 80-х, начавшаяся вскоре перестройка в СССР и последовавшие за ней события 90-х годов разбрасывают в разные уголки мира и вновь переплетают судьбы героев повести. Действие происходит в СССР, Мозамбике, ЮАР, Анголе. Молодым переводчикам приходится научиться работать в экстремальных условиях, иногда на грани жизни и смерти; научиться понимать не только язык, но и культуру, традиции, дух «экзотических» народов. Разлуки и встречи, преодоление смертельных опасностей и гибель близких, столкновения с предательством, обманом, подлостью – и верность идеалам любви и дружбы, – все это не делает из них героев. Они остаются обычными людьми, представителями своего поколения, которым суждено жить на переломе эпох и стать свидетелями и участниками крушения империй и рождения новых стран. Все персонажи книги вымышлены. Все события, происходящие с ними, основаны на реальных фактах. Повесть адресована самой широкой аудитории. Возможно, особый интерес она вызовет у людей, которым пришлось пройти путь «совзагранработника».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-7164-0611-7

© Рикас И. Н., 2014

© ИП Астапов, 2014

Содержание

Часть 1. Мозамбик	7
Глава 1. В Киеве на Русановке	7
Глава 2. Кира	11
Глава 3. Яблонька	16
Глава 4. Ярцев	20
Глава 5. Костик	25
Глава 6. Из дневника Тимановича	27
Глава 7. Распределение	30
Глава 8. Москва – Мапуту	32
Глава 9. Счастливый Костик	37
Глава 10. Страницы из дневника Тимановича	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Рикас

Соленые реки

© Ирина Рикас, 2014

* * *

*Жизнь летит, мелькают числа,
А за ними – лица, страны.
Где-то молодость зависла,
Спутав все меридианы.*

*Где-то, может, беззаботно
Все шумит, не зная даже,
Что давно бесповоротно
Разошлись дороги наши.*

*Где-то нет еще упавших,
Чувства и слова не лживы,
Где-то все почти нас – старшие,
Все, кого мы любим – живы...*

*И все кажется, что надо
Только взять билет обратный —
Все дожди и снегопады
Воротятся на попятный.*

*Будто все они – нас ждали,
Будто мимо не летели,
Будто в нашем терминале
Самолеты не свистели,*

*Будто, если постараться,
Воротиться в час отсчета —
Мы вернемся в наши двадцать,
К старту первого полета...*

Часть 1. Мозамбик

Глава 1. В Киеве на Русановке

– Короче, чувачки, я все узнал. Как получаем дипломы, отпуск две недели. Потом едем все в Москву, являемся в ГУК. Там нас собирают со всех ин-язов, делят на группы по странам. В основном будут москвичи из военного института переводчиков, из Минска пару ребят и мы. Мы уже назначены в Мозамбик.

В последних числах мая 1980 года, утром, в квартире на первом этаже одной из русановских многоэтажек встретились три выпускника переводческого отделения Киевского Госуниверситета: Костик Каретник – хозяин квартиры, его закадычный дружок Шурка Ярцев и их приятель Борис Тиманович. Собираться у Костики – дело обычное, за пять университетских лет многие их однокурсники освоились здесь не хуже, чем в собственном доме. Однако посиделки по утрам – это бывало только после слишком серьезного загула накануне, когда гости оставались у Костики ночевать.

Но в тот день все трое были, что называется, «ни в одном глазу» и на кухонном столе не было ничего, кроме оловянной пепельницы, похожей на миниатюрную селедочницу и полупустой пачки «Примы».

Борис рассказывал:

– Отпуск можно брать через год, целых сорок пять дней! Билет в отпуск оплачивают в оба конца. Два года работы засчитываются, как срочная служба в армии. Так что, мужики, где-то в августе двинем.

– Что, все втроем? Клево! А там тоже вместе будем? – Шурка, компанейская душа, был готов куда угодно, лишь бы с друзьями.

– А в Москве где жить? Это же не в один день все будет? – спросил Костя, прикидывая, можно ли взять с собой жену.

– Будь спок. В Москве общагу дают. Но кто хочет, может остановиться у родственников. У кого таковые имеются, – Борис глянул на Шурку.

– О, я у жены буду. Они в Подмосковье живут.

– Ну ты, Шурка, как всегда, лучше всех подсутился, – подмигнул Борис. – Но, видишь, не всем такое счастье.

– Ладно, Тима, не гони, лучше скажи, как с португальским будем? Все-таки это не испанский.

– Да о чем ты, Шурка, – усмехнулся Тиманович. – Летом полистаешь учебник – и вперед. Родственные же языки.

– А как же с женами? – беспокоился Костик. – Они могут сразу с нами ехать?

Костик почти все пять университетских лет, как какой-нибудь герой из курса ранней западно-европейской литературы, добивался взаимности и вот, наконец, недавно женился.

– Эх, Коська, жениться надо было внимательнее, – проговорил Борис, выпуская струю табачного дыма. – Сомневаюсь я, что твоя Лелька так и бросится за тобой в загранку.

– А ты не очень-то, – проговорил Костик. – Что ты о ней знаешь?

– Ей работа в интуристе светит, так что не бойсь, она здесь скучать не будет. Да ты слушай. Девчонки могут приехать позже, месяца через два-три. Им пришлют вызов из ГУКа.

– А чего же майор гнал, что за границу без жен не выпускают?

– возмутился Шурка Ярцев. – Мы тут переженились все, как...

– Ну-у, два месяца ждать, это долго, – протянул Костя.

– Да, месяца через два, не раньше. Но! – Борис значительно поднял вверх указательный палец, – Они будут получать здесь нашу лейтенантскую зарплату – по сто двадцать рэ!

– О, не слабо! – воскликнул Шурка. – Но, надеюсь, это не все?

– Таки да! Там мы будем получать в ВАЛЮТЕ по семьсот долларов в месяц!

– Что, прямо доллары будут платить?

– Да, держи карман. Кто тебе их покажет. Счет нам откроют. Внешэкономбанк такой есть в Москве. Так вот, туда нам будут перечислять такие... инвалютные рубли. А мы, как приедем, можем снимать там чеки: ну это вроде морских бонов, для Березки.

– Да ты что! Во клево!

– Как это ты, Борик, все разузнал? Может, липа? – заметил Шурка. – Что-то сомнительно, чтобы столько платили.

– Да что я зря, что ли, майору с третьего курса отчеты писал! Источник информации достоверный, лучше не бывает.

– Ну зря или нет – это тебе виднее, – хохотнул Костик.

– Ну так и не выступайте! Ладно, чувачки, надо это дело обмыть, – Борис встал и начал рассовывать по карманам сигареты, зажигалку, очки в плоском кожаном очешнике с желтой олимпийской эмблемой. – Коська, мы сбегает, а ты тут пока насчет закуски покопайся у мамы в холодильнике.

– Да не, ребята, я с вами. Еще одиннадцати нет, вам не дадут.

– А тебе, что, дадут?

– Аск! Мне тетя Фрося всегда отпустит.

Тетя Фрося – продавщица винного отдела ближайшего гастронома, немолодая уже, но пышная «пергидрольная блондинка», была своего рода знаменитостью в кругах русановских выпивох. Свою клиентуру она, соответственно каким-то собственным критериям, делила на несколько категорий: «интеллигентный клиент», «приличный мужчина», «алкаш чертов», «пропащий», «несчастенький» – последние два не удостоивались сущестительных. Всегда вежливый Костик пользовался ее особым расположением и назывался «хороший мальчик».

Трое друзей отправились затовариваться. Шли неспеша, продолжая разговор и все еще не веря своему счастью: все страхи и волнения последних недель пятого курса, когда над всеми висел главный вопрос и головная боль каждого пятикурсника – распределение – позади!

Из них троих только один Костик Каретник мог себе позволить не очень волноваться о работе. Его мать принадлежала почти что к элите: работала в университете марксизма-ленинизма. Уж как-нибудь пристроила бы сыночка в городе, не допустила бы, чтобы ехал на периферию школьников испанскому учить.

Борик Тиманович тоже не случайно проскочил – на курсе ни для кого не были секретом его нередкие встречи с сероглазым, неброским с виду пареньком в штатском. Об этом, конечно, никто не трепался, но – дело ясное. Отслужит в «загранке» и – прямиком в кадры.

Кто действительно непонятно как и почему попал в «загранку», так это Шурка Ярцев. Вот уж кому прямая дорога была идти учителем в среднюю школу в каком-нибудь Урюпинске.

Парень из глухой провинции, папаша – простой слесарь на заводе. Как ему вообще удалось поступить с такими данными аж в Киевский государственный университет, да еще на престижное переводческое отделение факультета романо-германской филологии?!

Это в конце-то семидесятых, когда к такому ВУЗу без блата и комар близко не подлетал! Просто везуха, другого слова не придумаешь. А он, похоже, вообще везучий.

Вот взять хоть тот случай со справками. Через год после поступления он так освоился, что стал прогуливать лекции, а чтобы оправдаться перед старостой, раздобыл в студенческой поликлинике чистые бланки и представлял их как справки о болезни.

Раздобыл – не совсем верно. Бланки справок попали к нему случайно.

Однажды сосед по комнате, Леша Пименко, прибежал из кухни с закатанным по плечо рукавом рубашки:

- Блин, Шурка, мазь какая-нибудь есть?
- А что с тобой?
- Руку обварил паром.
- Ого, красная вся. Как это ты?
- Там какая-то кастрюля девчачья кипела. Я заглянул, думал, борщ варят.
- И че?
- Че-че? Хотел попробовать. А там тряпки какие-то кипят. Паром как дало, думал, весь сварюсь.

– Да нет, Леш, вроде не так сильно. Я слышал, вроде при ожогах не надо ничем мазать. Хуже может стать.

- Шурка, я в поликлинику двину. Как думаешь, справку дадут под это дело?
- Наверное, дадут.
- Слушай, пойдем со мной. Ты подтвердишь, что меня обварило.
- Да мне же в универ надо к первой паре, не успею.
- Ты че, чувак, не сечешь? Прогуляешь законно: отвозил к врачу жертву несчастного случая. Вдруг я в обморок по дороге упаду?
- Ну да, от тебя дождешься. Но мысль клевая. Пошли.

Медсестричка в приемной долго задавала вопросы: фамилия, год рождения, факультет, – шурилась, глазки строила, писала в большом журнале. Потом покопалась в столе и зачем-то вышла, оставив ящик стола наполовину открытым.

– Шурка, смотри, а у нее здесь бланки справок, – проговорил Леша, привстав и заглядывая в ящик. – Давай возьмем несколько на всякий случай.

Саша заколебался:

- Не стоит. На фига они нам?
- Ты что, мало ли! Понадобится пару пропустить – нет проблем, все чин чинарем, болел, есть справочка. Бери, ты же видишь, я не могу, у меня рука болит!

Саша послушно подошел к столу и взял бланки.

И началась свободная жизнь. Хочешь – идешь на лекции, не хочешь – вот справочка. Сообразительности не хватило подумать, что часто – это подозрительно. Потерял бдительность, увлекся свободой. Дело раскрылось, попало в деканат, в комитет комсомола. Встал вопрос об отчислении из университета. Сообщили родителям. Перепуганный отец – а он на заводе у себя уже привык в героях ходить, еще бы, сын – студент КГУ! – прилетел спасать сына. А как спасать, когда у отца у самого, кроме веры в справедливость, ничего за душой! Ходил отец целую неделю в деканат, плакал, упирал на рабочее происхождение. И помогло!

Сам не верил! Ну что это, как не везение! Сынка оставили учиться. Правда, из комсомола все-таки поперли. А это по тем временам... Неизвестно еще, что хуже: быть отчисленным из ВУЗа или исключенным из комсомола. Без комсомольского билета ты – никто, даже не ноль. Меньше ноля. Подозрительный элемент.

Трудно поверить, но уже через год Санек – так его, младшенького, любимого, отец дома звал – не только в комсомоле был восстановлен, но даже стал комсоргом группы. Ну что это могло быть, как не везенье! Поговаривали, правда, в курилке, будто и у Сашки были особые отношения с ребятами в серых костюмах. Но Борик, который не сильно заботился о том, чтобы скрывать наличие своих «особых» связей, даже наоборот, как будто гордился такой своей исключительностью, развеял эти слухи.

И вот опять Сашке повезло, теперь с распределением. Он и сам с трудом такому счастью верил. Конечно, оценки у него все отличные, дипломная работа – сама зав. кафедрой сказала – блестящая. Но вряд ли это в самом деле сыграло решающую роль. Может, мамаша Костика

замолвила словечко за дружка сына? Она ведь всегда приваживала Сашку, подкармливала его, оставляла ночевать.

Ей казалось, что он хорошо влияет на Костика. Сам-то Костик с первого курса стал пускаться в загулы. Дешевое вино, песенки под дребезжащее пианино, всегда готовые поучаствовать в веселье девчонки из общаги. Квартира у мамы большая, почти номенклатурная. Мама не выгоняла шумные компании, предпочитая иметь сына хоть и навеселе, в компании орущих, пьющих, курящих студентов, но зато – под присмотром.

Счастливая троица бодро шагала по Русановскому бульвару к гастроному. И все вокруг как будто отражало их молодое, бесшабашное, зеленое веселье. Чистые прозрачные лужицы на новом асфальте, еще пахнущие липкой свежестью волны зелени, и вскипающие по ним белой пеной цветы каштанов.

Киев!

В мае месяце – нет лучше города на земле! Броди всю ночь по душистым аллеям Владимирской Горки с какой-нибудь второкурсницей, валяйся на только начинающей нагреваться травке Русановского острова, пройди по Крещатику в новых, в обтяжку, спекулянтских джинсах, на которые копил полгода, питаясь чуть ли не одним только копеечным хлебом в студенческой столовке – тем смачнее сверкает голубая джинса, отражаясь в совковых витринах, тем завистливее кажутся взгляды тех, кто одет в штаны фабрики «Большевичка».

Хорошо весной в Киеве!

Глава 2. Кира

Маленький бассейн примыкает к барной стойке. Над стойкой – крыша из фигурно вырезанной соломы. Если точнее, это не солома, а специально высушенные стебли, похожие на очень тонкий камыш. Когда-то давно такие крыши были здесь повсюду. Самый дешевый и доступный местный материал. Сегодня это африканский шик. Вокруг шезлонги. Дальше – круглые домики, стилизованные под хижины, под такой же крышей.

Все это на берегу реки – широкой, с множеством рукавов, заводей, островков. На островах трава – высокая, шелковистая на вид. Кое-где трава кажется подстриженной, как неправильной формы газон. Но трава не подстрижена, а съедена бегемотами. Здесь, в заповедной зоне реки Чобе, их дом. Их соседи – многочисленные крокодилы, выдры, вараны, антилопы, жирафы, шакалы: вода и берега кишат разнообразной живностью, как в Ноевом ковчеге, только не по паре, а гораздо больше. Но главное – слоны. Их стада – как тучи на пологих склонах вдоль реки. Ботсвана. Страна слонов и коров.

Сюда, посмотреть на животных, прикоснуться к африканской экзотике, прилетают туристы со всего света.

Кира себя туристкой не чувствует. Хотя и прилетела сюда всего на три дня, так же, как прилетают другие русские. Их сегодня можно встретить в отелях по всему миру.

Тридцать пять лет назад, когда Кира впервые ступила на африканскую землю, русские в отелях не жили. Их селили в самых замызганных квартирках. Совзагранработники, так их тогда называли. И не русские они были, а советские. Советские, попавшие на работу по контракту за границей. Тогда это считалось большой удачей, редким шансом вырваться из социалистического «рая».

Они с мужем прилетели в Мозамбик не вместе.

Когда он после ин-яза получил направление на работу в Африке, она была, как говорят, «на сносях». Пришлось ему ехать одному. Двадцать три года ему тогда было.

Они поженились в Киеве. Она была студенткой второго курса, а он заканчивал переводческое отделение. Роман их был короткий, бурный, со страстями, ссорами, разрывами и возвращениями. Потом все поменялось. Она объявила ему о беременности. К ее радости, он не испугался, принял новость спокойно:

– Ну что ж, – сказал, – значит, надо жениться.

Она не стала цепляться к «надо». А еще месяц назад обязательно прицепилась бы, вышла бы очередная ссора. Теперь она стала другой, и все у них пошло по-другому. Она сама себе удивлялась. В ней как будто другой человек проснулся. И она чувствовала, что этот человек – и есть она настоящая, и что она – женщина. Только с беременностью, с новой жизнью в себе она это узнала.

Кира красивой не была. Но была, как говорится, хорошенькой и оригинальной, что ли. В кавалерах недостатка не было. Один ухаживал всерьез, даже предложение делал. Тогда на романо-германском группы по языкам делились. И по половому признаку: мальчики – переводчики, девочки – филологи.

Иными словами, будущие учительницы. Некоторые девчонки, правда, попадали по распределению на работу в Интурист. Это было престижно и денежно. Вроде бы каждая могла «сделать такой выбор», но на самом деле все знали, что для этого надо, во-первых, иметь киевскую прописку, а во-вторых, дружить все с теми же ребятами из «большого дома».

Кира об этом не думала. Вообще не думала, как оно все сложится дальше. Парень, тот, что предложение делал, был заботливым, неплохим, но она чувствовала – не ее судьба. Именно чувствовала и не думала об этом. Встречались и встречались. Ну и что.

Подруга, Ленка, завидовала, но без злости, и советовала не откладывать, выходить. Говорила, что киевляне на дороге не валяются. Сама Ленка приехала из маленького прикарпатского городка и мечтала выйти за киевлянина. Однажды она, покрывшись густыми красными пятнами, сказала:

– Приходи к нам в комнату к пяти, я тебя со своим парнем познакомлю.

Кира удивилась:

– Что так нервно приглашаешь? Боишься показывать?

– Да чего бояться? Он не киевский, из такого же колхоза, как и я.

К пяти Кира примарафетилась, натянула новые джинсы – всего месяц назад знакомый паренек, Ленчик, с философского «толкнул» их ей, как он сказал, «по дружбе». Его сестра была киевской спекулянткой. Он этим гордился всерьез и намекал, что в университет он попал благодаря стараниям сестры.

Кира давала ему иногда конспекты по общим дисциплинам – истории партии, научному коммунизму. Факультеты разные, а предметы те же. Студенты делились конспектами, когда надо было показывать их для зачета. Тут главное было не налететь на одного и того же преподавателя.

Этот «философ», Ленчик, в благодарность за конспекты иногда приносил Кире мелкий дефицит на продажу. То притащит польские солнцезащитные очки, то тени и тушь, то пластиковые пакеты – сумки с яркими надписями и картинками – вещь модная, расходились такие пакеты в студенческой общаге по трешке без задержки. На каждом пакете можно было «наварить» по полтиннику, а то и по рублю. Сам Ленчик в накладе не оставался, за каждый пакет Кира ему платила; а сам он получал их от сестры, как сам выражался, «на халяву». Сейчас Кира тоже сунула в модную парусиновую торбу – сама сшила из мешковины и расцветила аппликациями – пару таких пакетов: вдруг покупатель подвернется. Деньги всегда нужны. Родители присылали ей, плюс стипендия, но как-то так получалось, что денег вечно не было. Другие девчонки умели жить экономно: наварят картошки, нарежут сала, что из деревни прислали, и сыты.

Был еще такой веселый способ «заморить червячка»: девчонки, вооружившись сумкой и напустив на себя озабоченный вид, шли на Бессарабку, где прохаживались между рядами и наедались, по кусочку «пробуя» товар у торговков.

Кира питалась в университетском буфете – сосиски, кофе да тортики. С такой едой голодная была вечно, а денег уходило много. Как ни старалась, не получалось сэкономить на фирменные джинсы. А так хотелось! Без них ты вроде и вовсе раздета. Пришлось просить родителей. Те, хоть и не одобряли, не могли отказать дочке, ко дню рождения прислали денег на джинсы.

Кира глянула на себя в зеркало – в их комнате зеркало в полный рост, многие девчонки из других комнат забежали к ним «красоту проверить». Глянула и улыбнулась: красота на месте. Джинсы обтягивают все, что нужно, широкий клеш от колена почти скрывает туфли на высоком каблуке. Кофточка домашняя, мама шила, но зато из модной марлевки и украшена самодельными цветочками из крученой нитки. Темные волосы блестят. Все подружки удивляются: «Кирка, отчего у тебя так волосы блестят?»

Вот блестят, и все! Прическа тоже в ажуре: один к одному Мирей Матье. Стиль! Взяла перевязанную тонкой бечевкой коробку с заранее купленным тортиком «Прага» – дефицит, аж на Крещатик, в центральный гастроном за ним ездила, да еще и очередь отстояла.

Ну все, пошла, там у Ленки небось уже дым коромыслом.

Кира шла по длинному коридору общежития и думала: интересно, почему так говорят – дым коромыслом? Наверное, в старые времена это было про дым из трубы. В деревне в мороз дым столбом поднимается, а если ветер, то столб сгибается немного, вот и получается коромысло. А может, и не потому? Ведь так про застолье говорят.

Детство ее прошло в военных гарнизонах, приходилось жить и в домике с печным отоплением. Один из гарнизонов был по соседству с настоящей деревней – зимой избы утопали в снегу, снег искрился на солнце, а кое-где, вдоль вытоптанных тропинок желтел собачьими отметками. Потом был Север. Полярная ночь. Первые короткие проблески апрельского солнца тоже зажигали на снегу искры. Здесь, в Киеве, зима кажется не настоящей. Так, слякоть.

Кира стукнула в дверь и сразу вошла. Резкий запах прокуренной комнаты ударил в лицо. За столом три девчонки из параллельной группы и один незнакомый паренек дружно дымили.

– Ну и где ваше коромысло? Что-то не видать.

– Ты что, какое еще коромысло? Знакомься, это Васек с третьего курса.

Кира вопросительно глянула на подругу. Та покачала головой: «Нет, не он».

– Привет, Васек. Восемь девок, один я?

– А что, вам мало? Так сейчас еще мой дружок придет. А пока, девчонки, давайте по чуть-чуть. Ого, «Черные глаза»! Откуда такое шикарное бухло?

– погоди, Васек, давай Сашу подождем.

– Ну, Леноч, чего ждать. Он, может, и не придет.

– Как это, почему?

– Кто его знает. Говорил, вроде его вызывают куда-то.

– Куда это? – забеспокоилась Лена.

– А я знаю?

– Так вы знакомы? – спросила Кира. – Лена говорит, он вроде с четвертого?

– Так мы же в одной комнате живем! Я его и с Леночкой познакомил! Так что, Леноч, с тебя стакан. О, погоди, стучат. Пришел-таки! Входи, входи, открыто.

Дверь открылась. Кира, которая сидела прямо напротив двери, еще не увидев входящего парня, вдруг почувствовала тупой и сильный толчок в сердце. Потом она часто вспоминала этот момент. А тогда почти не обратила внимания, только мысль мелькнула: «Это еще что?»

– А вот и Саша, познакомьтесь. – Ленка не улыбалась и опять вся покрылась красными пятнами.

Кира опять подумала: «Это еще что? Похоже, нашу Леночку зацепило. А парень вроде – ничего особенного. Полноват, щеки круглые, красные, как будто нарумяненные. Причесан какой-то: волосы светлые и выются вверх. Вообще-то нет, про него нельзя сказать – ничего особенного. Необычная внешность. Заметная, хоть модной не назовешь. А глаза какие! Яркие, светло-синие. Именно не голубые, а... Наверное из-за одежды так кажется. И прикид вполне... Джинсы фирменные, куртка вельветовая, темно-синяя, тоже не из универмага».

– Привет надеждам отечественной филологии! – с порога сказал Саша. – Ну что, второй курс, все в Тищенко влюблены?

– А ты откуда знаешь? – хихикнула рыжеватая пышка Наденька. – Вообще-то у нас только Кирка ему глазки строит. А что в нем хорошего? Лысый, маленький.

– Надежда, хорошего в нем то, что он профессор – в его почти юные годы! – засмеялась Кира. – А про глазки помолчи, сама-то бегаешь за практикантом.

– Я просто иностранную литературу очень, это, обожаю.

– Это здорово, Наденька, – Саша говорил вроде серьезно, а глаза смеялись. – А что вы сейчас читаете?

– Оскарда Вайлда только что прошли, теперь Хэтсби начинаем. Ну, «Великий Хэтсби», автор Фисжерал. Слышал?

Надя старалась по-русски говорить быстро, резко обрывала каждое слово, но мягкие украинские округлости речи выдавали девушку из-под Полтавы. В университет ее приняли по колхозной квоте, без экзаменов.

– А вы, значит языкознание обожаете, – обратился он к Кире. – Тищенко – уникальный знаток. Может хоть по-эскимосски, хоть по-французски. Кстати, мы с вами на Елисейских полях не могли встречаться? Прическа ваша что-то напоминает.

– Скорее, в Елисеевском гастрономе.

– Вы из Москвы?

– Не «вы», а «ты».

Саша как-то сразу расшевелил компанию, балагурил, девчонки то и дело покатывались от хохота. Кира понимала, что долго засиживаться не надо. Ленка только и ждет момента, чтобы остаться с новым знакомым наедине. Как только вино допили, Кира встала:

– Ну что ж, пойду. Еще учить надо, а завтра к первой паре ехать. Пойдемте, девчонки, я вам новый словарь покажу. Знакомый привез из Югославии. Настоящий Вебер.

– Ой, Кирка, откуда такие знакомые? Познакомь!

– Да вы что, он почти пенсионер, предков моих старый друг. Здесь, в Киеве живет. А в Югославию по турпутевке ездил. Выбил в профкоме перед пенсией.

– А, жаль. Ну все равно интересно, пошли. Васек, ты с нами?

– Ну девчонки, вы чего, детское время! Давайте еще посидим. Я сбегаю?

– Нет, Васек, хватит на сегодня, – Ленка нахмурилась. – Иди, иди, посмотри, какие настоящие словари бывают.

– Ну, Ленок, я думал, ты мне друг. Пошли, Сашка, нас выгоняют.

– Вася, ты тупой? – Ленка прошипела шепотом, но слышно было всем. Потом сказала нарочито громко:

– Я не выгоняю. Сиди, сколько хочешь.

– О! Ну так я сбегаю. Давайте скинемся.

– Нет, Вася, ты правда тупой!

– Пойдем, Васек, мне еще сигареты привезли хорошие, угощу, – Кира взяла парня под руку и потянула за собой к двери.

– Ну, другое дело. Это я только так, я и сам собирался.

Похоже, до Васи стало доходить. Компания вывалилась из комнаты, оставив парочку наедине.

Глава 3. Яблонька

Приближалось время сессии. И кто это выдумал – сессия в самом разгаре весны! Надо подбирать долги, сдавать зачеты, готовиться к экзаменам. Испытание не для слабаков! Сиди в библиотеке, если можешь. А как сидеть!? Лекции и семинары закончились, расписание свободное, а вокруг утопающий в весенних ароматах Киев! Да такой город только и создан для того, чтобы гулять по нему день и ночь!

Накануне сладкого и лихорадочного времени сессии, в последний день занятий, в конце лекции, Ленка шепнула:

- Кира, не убегай, после пары пойдем в «Яблоньку».
- Давай, а чего так? Вроде сперва сдать надо?
- Да нет, просто так. Поговорить хочу.
- Ладно.

Поговорить вроде и в общаге можно. Да и до общаги целых полчаса на троллейбусе трясись, говори сколько влезет. Но раз Ленка хочет, что ж, можно пойти. Погода такая, что любой повод хорош, чтобы оттянуть момент, когда придется сесть за учебники.

«Яблонька» – маленькое кафе прямо под боковой стеной здания их факультета. Несколько столиков под деревьями, дощатый ларек с посудой и небогатым ассортиментом. Там продавали спиртное в розлив, студенты-старшекурсники частенько захаживали туда после занятий. Можно было там встретить и некоторых завсегдатаев из преподавателей. Например, Язвильского – замшелого, обрюзгшего лектора по истории КПСС.

Это был самый муторный и самый обязательный предмет во всех советских ВУЗах. Лекторы, читавшие его, вдоволь издевались над студентами. Язвильский, или папа Язя, – так его называли за глаза студенты – любил пропустить перед парой рюмочку коньяка. Это, очевидно, будило его вдохновение, и на семинаре он, выбрав по списку какого-нибудь прогульщика, начинал с пристрастием допрашивать:

– Доложите, товарищ студент, какое число совковых лопат было выпущено советским доблестным тылом в период с марта по ноябрь 1942 года.

И тут уж было не до иронии. Никому в голову не приходило подмигнуть на слове «совковых». Попробуй не доложи!

– А я давал это на лекции! Лекции надо посещать, товарищ студент!

И товарищу студенту уже вряд ли кто позавидовал бы. Бывали случаи, что к папе Язе ходили пересдавать по семь раз!

Девчонки редко заходили в «Яблоньку». Спиртным они не интересовались, тортиков там не было. Можно, правда, было выпить настоящего кофе.

Когда Кира вошла в кафе, Ленка уже сидела за одноногим алюминиевым столиком. Перед ней стояла широкая рюмка с желтым вермутом и металлическая креманка с мороженым.

– Ого, Леноч, гуляем! По какому поводу? Погоди, я себе возьму.

Кира подошла к ларьку, заплатила, подождала, взяла свою рюмку и мороженое и присо-единилась к подруге.

– Да какой там повод! С горя пью!

– Ну венгерским вермутом горя не зальешь, никаких денег не хватит. А что случилось? Речь, конечно, пошла о новом парне.

– Все у нас хорошо было, – жалобно шелестела Ленка. – Он знаешь какой! Не киевлянин, конечно, но с этим я уже смирилась.

– Да ну, как же так? В Урюпинск поедешь детишек учить?

– Да что Урюпинск, я, может, влюбилась!

– Ну и?..

– Ну и вот, он так много знает, рассказывает, а я все молчу, как дура, только целуюсь.

– Чем плохо?

– Ну он и спрашивает, чего, мол, молчишь.

– Ну, а ты?

– Ну а я юмор сказать решила. Да, говорю, в моем обществе и мухидохнут. А он, похоже, подумал, что я всерьез. Не знаю, как получилось, только он как будто стал меня избегать. Кажется мне, что он из-за мух этих. Обиделся, что ли?

– Ты что, не может быть. Это же шутка.

– Да кто его знает, не пойму. А только мухи эти не идут из головы. Слушай, Кирка, будь другом, поговори с ним. Скажи, что я страдаю, что не хотела его обидеть. Я хочу с ним встречаться, правда, хочу. Ну что тебя учить, сама понимаешь! Поговори, чтобы он ко мне вернулся.

– Ну погоди, он же тебя не бросал?

– Да нет, не бросал. Просто избегает. А если я с ним сталкиваюсь, то он как незнакомый. «Привет» – и все.

– Не знаю, как я с ним буду говорить, где? Не в комнату же к нему идти?

– Конечно, нет. Ты его как будто случайно подлови.

– Ты, что, хочешь, чтобы я под дверьми ждала? Еще не хватало.

– Зачем под дверьми. Ты с ним случайно столкнись. Они в четырнадцатой, как раз напротив лестницы. Ты на верхнем пролете подожди, а как только их выпустят, ты тут как тут. Ну Кирка! Ну пожалуйста!

– Ладно, пойду. Жди здесь.

На лестнице ждать не пришлось. Как только Кира вошла в корпус факультета, она увидела Сашу. Он стоял, согнувшись, на лестнице, одна нога на верхней ступеньке: завязывал шнурок на ботинке.

– Привет, как дела?

- А, привет. Хорошо, а у тебя?
- Все секретно, как в подполье.
- Ну и как там, в подполье? Половые вопросы беспокоят?
- Только они и беспокоят. Вас уже отпустили?
- Обижаешь! Мы – почти пятый курс. Сами решаем, кого из преподавателей домой отпустить, а кого работать заставить.
- Хорошо вам. А у меня вот сегодня только первая пара, а после третьей Баба Зина назначила зачет пересдавать. Еще полтора часа где-то болтаться надо.
- Понимаю и могу помочь. Хочешь, пойдем в Яблоньку? Могу тебя по теме погонять. Про «партию новаХа типа» все выучила?
- А у вас что, тоже баба Зина по истории КПСС была?
- Кто ж не знает Бабы Зины! «НоваХа, КраснаХа»...
- Точно! Нет, в Яблоньку не хочу. Вон в сквере у Шевченко новую стекляшку открыли. Если хочешь, пойдем, посмотрим.
- Но там только пиво.
- Ну и что? Чем пиво плохо?
- А не боишься, что Баба Зина унюхает?
- Да пошла она...
- Наш человек, вижу. Ну, так пошли.

Глава 4. Ярцев

К концу четвертого курса Саша Ярцев настолько влился в студенческую жизнь и учебу, что все стало как-то само собой получаться. Сессии сдавал легко, время свободное появилось, начал понемногу подрабатывать. Дружок Коська помог устроиться экскурсоводом в музей Софийского Собора.

Работа приятная, оттарабанил экскурсию, и гуляй. В месяц набегало рублей 80 только официально, плюс стипендия – хорошие деньги! А были еще левые экскурсии, тогда то пятерка, то трояк упадет в карман. Можно было иногда и валютой получить, иностранцы часто бывали. Но – опасно, валюта – дело серьезное. Да и зачем она? И с деревянными можно неплохо жить. Сотрудницы в музее хорошенькие, умненькие, после исторического или ин-яза. Про таких в Киеве говорили «энтеллехэнтный вол». А почему вол – кто их знает? С девчонками ему всегда было легко. У него был юмор, умение болтать ни о чем, нанизывать комплименты один на другой. Девчонкам это нравилось.

Только серьезного ничего не было. Он ничего серьезного и не хотел. На пятом курсе будет не до этого, надо сосредоточиться, чтобы распределение хорошее получить. Очень уж хотелось в Киеве остаться. Но такая перспектива иногородним, без постоянной прописки, не светила. А получить прописку можно было только одним способом: жениться. Коська и Борик, дружки с самого первого курса, сидя за бутылкой портвешка на Коськиной кухне, не раз обещали устроить ему фиктивный брак ради прописки с какой-нибудь киевлянкой. Дело это было нередкое, и даже были такие киевские «специалистки», что зарабатывали на этом. Ну что ж, денег на такое дело можно бы достать. Но дальше разговоров пока не шло.

Ярцев понимал, что друзья больше «звонят», чем в самом деле могут помочь. Борик вообще из тех, кто про дружбу только говорит красиво, а как доходит до дела, всегда как-то получается, что он бы и хотел помочь, но – «ты видишь сам, старичок, как обстоятельства складываются, сейчас никак не получится».

Коська – другое дело. На работу сам устроился, тут же и дружка Шурку пристроил. А когда Ярцеву стало не в состоянии в прокуренной, вечно пьющей, вечно орущей общаге, Коська без долгих разговоров затащил его к себе, открыл дверь в свободную комнату: «Живи, Шурка, платить ничего не надо». И Ярцев прожил у них почти целый год и ничего не платил.

Милый Коська! Они хоть и обращались друг с другом по-мужски грубовато, с подтруниванием и беззлобным матерком, но Ярцев чувствовал, что Коська – его единственный друг, близкий человек в Киеве. Да и не только в Киеве. В его родном городке друзья у него были только в детстве. Когда он играл в футбол. Тогда он не просто играл: он жил, дышал футболом! Вот ведь повороты судьбы! Мечтал стать футболистом, а стал переводчиком!

Правда, еще рановато себя переводчиком считать. Можно запросто и в школу учителем загреметь, в какой-нибудь Урюпинск. Другое дело – остаться бы в Киеве. Все-таки столица Украины, третий город в Союзе, вариантов работы много. Все упиралось в прописку. Но разговоры о браке для прописки так и остались разговорами. Поговорили и забыли.

Новая девчонка, Ленка, как-то случайно возникла, на дискотеке познакомились. Показалось, что она – киевская, никогда раньше ее в общаге не видел. Вот прокололся! Хорошо еще, что ничего такого. Но она прилипла, ходит вокруг, на глаза попадается по восемь раз на день – вроде бы случайно. А зануда! Про мух – это она удачно сказала, это точно про нее.

А подружка ее забавная. Зашел с ней в стекляшку стакан пива выпить, а простояли, проболтали там до закрытия. Да еще впарил ему какой-то пакет пластиковый за пятерку. Напросилась на экскурсию в Софию.

Вообще-то на экскурсию он сам пригласил. Ну а как было не пригласить, если уже похвастался, что там работает. Да, с ней не скучно. Но – тоже иногородняя, в общаге живет. Хотя,

это смотря «с какого боку» посмотреть: она из Москвы. Это даже перспективнее, чем Киев. Есть о чем подумать. После летней сессии все равно в Москву собрался, столицу посмотреть. Можно к ней заехать, прикинуть, что и как. Денег немного накоплено, у жены брата там дальняя родственница живет, есть, где остановиться...

Хорош Киев в конце мая, а в сентябре – еще лучше! Солнце мягкое, теплое, воздушное, как кукурузная мука сквозь сито. Днепр лежит весь серебристый, дышит солнцем. Парки, скверы золотятся, шуршат листвой.

Студенты возвращаются с каникул откормленные, веселые – новый курс, новые приключения. Никаких долгов, пересдач – одни благие намерения! Ну теперь-то, – каждый думает себе, – возьмусь всерьез! Вот пару дней погуляю, и уж тогда!..

– Кира, ты в Андреевской церкви была?

– Нет, Саш, а что, туда разве можно войти?

– Конечно, но во время службы лучше не ходи. Застукают, будут проблемы в универе. Я могу провести, когда там музейное обслуживание.

– Правда? А как?

– Я же музейный сотрудник. По моей Софийской корочке в любой музей Советского Союза вход бесплатный и без очереди.

– Серьезно? Клево!

– Приходи завтра в Софию к трем. Я как раз закончу экскурсию и двинем.

– Классно, конечно буду!

Саша затушил сигарету и вышел из курилки. Кира опять повернулась к своим однокурсницам.

– Ой, Кирка, смотри, доходишься по музеям, – сказала одна из них с усмешкой.

– В каком смысле? – Кира с досадой почувствовала, как краска заливает лицо.

– А в таком! Ты что, не знаешь, у него в каждой группе по подружке. И всех по экскурсиям водит.

– Ну и что такого? Мне до этого, как до лампочки. А подслушивать вредно.

Кира старалась казаться веселой и равнодушной и знала, что ничего из этого не выходит. Сердце колотилось где-то в горле, щеки горели.

– Ха-ха, не заливай, подружка! До лампочки! А вообще, Кирка, сволочь ты! У родной подруги парня увела!

– Ой, девочки, знаете что? Идите в задницу!

Кира повернулась и выскочила из курилки. Побежала вниз, схватила в гардеробе свой плащ – и на улицу. На семинар не пошла. Какой там семинар! Теперь – она знала – она будет считать минуты до этого самого «завтра к трем».

– Ну как, понравилось?

Они только что спустились с лестницы Андреевской церкви и медленно шли вниз в сторону Подола. – Ты, что, правда никогда здесь не была? – спросил Саша.

– Конечно, нет, Киев для меня – чужой город.

– Ну, тогда я тебе сделаю сюрприз. Закрой-ка глаза.

– Зачем? Что за глупости?

– Ну ладно. Вот видишь домик деревянный. Знаешь, чей это дом?

– Ой, Саш, давай без интриг. Ну, не знаю.

– Может, ты и Булгакова Михаила Афанасьевича не знаешь?

– Ну почему? Бег, Белая гвардия. Записки врача.

– А еще?

– Все, больше ничего не приходилось читать.

– А Мастер?

– Что за мастер?

– Ну, Кирка, ты... Ладно, не обижайся. Попробую достать для тебя на одну ночь. В этом доме жил Булгаков! Можешь доски потрогать!

– Ну, хорошо, я в восторге, – Кира отвернулась с досадой. Неприятно, когда тебе вот так намекают, что могла бы и побольше читать.

– Обиделась все-таки. Ну все равно, я тебе сюрприз сделаю. Закрывай глаза.

– Ладно. И не обиделась я совсем.

– Ну, закрывай, давай руку и иди за мной. Тихонько, поворачиваем. Не открывай, не открывай... Сюда, осторожно...

– Ты меня под трамвай не толкнешь?

– Нет, ты правда Мастера не читала?

– Саш, ты хочешь, чтобы я ушла?

– Все, молчу. Идем, идем. Главное – глаза не открывай. Так, теперь сюда. Раз, два, три, – открывай!

Кира открыла глаза и резко качнулась вперед. Саша схватил ее за рукав. Она стояла на самом краю высокого обрыва, вниз по склону сбегали волны разноцветной осенней листвы, далеко внизу блестела полоска Днепра, еще дальше, очень далеко, – тающие в голубом тумане киевские новостройки. Кира смотрела и не могла отвести глаз. И чем дольше смотрела, тем сильнее ей казалось, что она не стоит на земле, а летит над этим золотистым и голубым простором.

– Летишь? – услышала она у виска шепот Саши.

– Лечу!

Через пару дней он вручил Кире обернутую в газету книгу. Именно вручил, как-то торжественно:

– Вот, на целых двое суток достал! – он сказал, не на «два дня», а «на двое суток». – Смотри, аккуратно читай, так, чтобы никто не видел.

Кира удивилась:

– Как, почему это?

– Кира, это – самиздат. Ты, что, правда не догоняешь? Может, я договорюсь с приятелем, чтобы ты у него на квартире могла читать?

– Да нет, зачем. Ну раз так надо, хорошо, никто не увидит. А что это такое – самиздат?

– Ну, Кирюха, ты просто с неба свалилась. Ну правда, у тебя есть место, где читать? Так, чтобы не в общаге?

– Не волнуйся, найдется.

– И никто не увидит, что это?

– Я же сказала, не бойся.

– Смотри, не подставь меня...

Места, конечно, никакого не было. Кира просто пошла на Владимирскую горку. Была там в дальней аллейке такая укромная лавочка: даже в самые народные-разнародные праздники и гулянья до нее никто не добирался.

Сентябрь окутывал теплым золотом, шелестел листьями, постукивал падающими каштанами.

Кира провалилась в книгу, как в сон после долгого недосыпа. Бродила в туманном забытии по пыльным переулкам Арбата, прислушивалась к беседе на Патриарших, хохотала над проделками лихой компании, глотала слезы, прижимала сцепленные руки к щемившему сердцу и – летала, летала...

Так и «пролетала» до зимней сессии. В конце сессии расписались.

Сначала было странно: муж, жена. Ярцев даже выговорить это слово в компании друзей стеснялся. Говорил «wife». Вроде как, все не всерьез. Балагурил, шутил:

– Женидьба – не самый серьезный шаг в моей жизни.

Борик и Коська с готовностью смеялись. Но к концу пятого курса и сами как-то «скоропостижно» женились. И каждый про другого думал, что такая – вдруг – смена семейного положения – неспроста. А все из-за распределения. Да у них у каждого в их испанской группе весь пятый курс, кажется, все было только ради распределения.

Вначале второго семестра, в один из «военных» дней, когда весь курс переводчиков облачался в защитного цвета офицерские рубашки и галстуки и проводил день в корпусе военной кафедры, в конце занятий майор объявил, что есть разнарядка на три места на Кубу. На военной кафедре дисциплина всегда была непререкаемой. Балагурить, шутить на занятиях никому и в голову не приходило. С «военки» могли отчислить из университета без всяких объяснений. Так что тишина в аудитории была всегда. Теперь же стало не просто тихо. Казалось, даже дышать все перестали. Куба! Загранка! Мечта каждого переводчика! Три места. А их в группе – десять.

Майор между тем продолжал: разнарядка из ГУКа (майор говорил – Хука), отбор будут делать сами ГУКовцы, к концу семестра в Киев приедут их представители. Они же проведут и свою медкомиссию.

Много чего еще говорил майор, и каждый из притихших студентов про себя прикидывал, «тянет» ли он по каждому из пунктов. Вдруг майор произнес:

– И, наконец, товарищи курсанты, директива из ГУКа информирует нас, что рассматривать заграничных кандидатов будет производиться только посреди женатого контингента.

Майор был героем баек, его словечки и выражения студенты записывали в специальные блокнотики и не раз от души ржали за бутылкой «сухарика», зачитывая друг другу его перлы.

Но сейчас было не до смеха. Каждый взвешивал свои шансы. Женатых в группе, кроме Ярцева, не было. Нет, был еще один, Криворожко, самый старший из всех, поступивший в университет после службы в армии, по направлению от родного колхоза. Но он потому и не конкурент: те, кого посылали учиться от колхоза, поступали в ВУЗ без экзаменов, но работать должны были вернуться в колхоз.

Коська Каретник толкнул Ярцева под столом ногой: молодец, Шурка, вовремя подсуетился с женидьбой.

После занятий трое друзей, не сговариваясь, направились к гастроному:

– Что берем? По полбанки «чернил»? – Костик достал из кармана смятый рубль и пригоршню мелочи. – Если по рублю с полтиной скинемся, еще на закуску останется. Можно докторской и батон.

– Нет, чувачки, давайте сегодня по-серьезному, – заметил Борис. – Возьмем коньяк, лимон. Серьезное дело, надо обмозговать.

– Ну ты, Тима, вечно с загибами, – проворчал Костик. – А пожрать?

– Ну давайте пельменей, что ли, пару пачек. Все-таки горячее.

– Да ты что, их варить надо, – сказал Ярцев. – И с докторской не сблюешь.

– А классно, пацаны, оказаться втроем на Кубе! – мечтательно произнес Костик. – Шурка, сечешь? Приходим с тобой в какой-нибудь генделик типа «бар». Заказываем, с понтом, «Фро-зен Дайкири»...

– Ну да, а вокруг мулатки такие, знаешь, вроде из «Бони М».

– Какое «Бони М», это полное фуфло! Мы там можем любой пласт свободно достать!

Пинк Флойд, Дип Пепл, Джимми Хендрикс!

– Ну ты сильно-то губу не раскатывай, – заметил Борис, – у них там совок похуже нашего.

– Нет, а серьезно, мужики, как думаете, кого пошлют?

– Ну тебя-то, Шурка, в первую очередь, – хохотнул Каретник. – Ты же у нас один такой женатый.

В тот вечер они единственный раз говорили об этом. Мечтали, как было бы здорово оказаться на Кубе, дышать воздухом старика Хэма, пить настоящий ром, говорить на настоящем испанском, слушать какую хочешь музыку. Свобода!

Поговорили, помечтали, даже прикинули, у кого в группе какие шансы – и все.

После того вечера на эту тему как будто кто запрет наложил. Никто больше об этом не заговаривал. Только и Коська, и Борик очень скоро и как-то по-тихому, не говоря никому (а ведь раньше любая мелочь была поводом собраться и «бухнуть»), оказались женаты.

Борик женился на однокурснице Раечке, один взгляд на которую говорил: очень умная. Ну просто очень, очень умная девушка. Это все, что можно было сказать о ее внешности. Раньше ее никогда с Бориком не видели. Случилось все тихо, никто и не заметил. У Борики всегда все было тихо.

А вот Костик Каретник мог бы и не зажимать свадьбу.

Глава 5. Костик

Всему курсу были известны его страдания, все пять лет бегал за одной, терпел то, за что уважающий себя мужик любую послал бы куда подальше. И вот все-таки выбегал свое, женился. Женился, точно, не ради заграничной перспективы.

А она? Костик об этом думать не хотел. Разве это важно? Для него – совсем не это. Она – его жена. Как бы ни было, что бы ни было, а это уже случилось, это есть. Зачем копать? Пусть она его фамилию не взяла, и живут они по-прежнему в разных квартирах. Это – пока, он знает.

Вот защитятся, получают распределение, съедутся. Квартира есть, мама может к своему Смирнову переехать.

Костик видел в мечтах, как Лелька будет беременной, потом еще, потом еще. Привыкнет к дому, работать не будет. Он мечтал о большой крепкой семье. Представлял себе, как они с женой будут говорить дома по-испански, по-английски, чтобы языки прививались детям с детства. Мечтал, как дети начнут привыкать к музыке, к игре на фортепиано – без окриков, без насилия.

Отец в детстве покрикивал на него, вечно был им недоволен. Костик изо всех сил старался угодить отцу, но быть с ним рядом ему всегда было тяжело. Он любил, когда отец уезжал и они оставались с мамой вдвоем. Отец уезжал часто, он был геологом, начальником партии и вообще, если посмотреть со стороны, был человеком незаурядным.

Костик рано стал догадываться, что мать – не единственная женщина в жизни отца. Однажды, когда Костик был в десятом классе, отец сказал:

– После школы подожди меня, я за тобой заеду. Поедем, познакомлю тебя с моей «полевой подругой».

Костик тогда мучительно покраснел, но отказаться не смог, просто не нашелся, что сказать.

Она показалась Костику слишком молодой, почти ровесницей. В разговоре он никак не мог поймать верный тон. Ни как с человеком отцовского круга, ни как с ровесницей общаться с ней было невозможно. А отец, казалось, не испытывал никакого неудобства, подтрунивал над ней, подмигивая Костику, как приятелю, который – сам взрослый мужик и все понимает.

После этого было очень стыдно вернуться вместе с отцом домой, к матери. Костик чувствовал себя предателем. Когда родители вскоре развелись, Костик вздохнул с облегчением.

Пять университетских лет он прожил с матерью вдвоем, не считая тех, довольно, впрочем, частых случаев, когда после шумных посиделок у них оставались ночевать один-два его приятеля, а иногда и приятель с девчонкой.

То, что их с матерью квартира стала постоянным местом студенческих пирушек, получилось как-то само собой. И не то чтобы Костик был такой уж гуляка и любитель выпить. В школьные годы он считался в классе «ботаном» – учился отлично, это ему всегда было легко. Плюс музыкальная школа, плюс английский – некогда было с пацанами болтаться. Девчонки в классе тоже внимания не обращали: худой до смешного, длинный, сутулый, с детским лицом – челочка, пухлые губы.

В университете его увлечение поп-музыкой и почти всегда свободная квартира неожиданно для него самого сделали его привлекательным «кадром». В компании, после пары «дринков», сидя за пианино, лихо распевая битловские песенки и балагуря на смеси английского с русским матерным, Костик чувствовал себя другим человеком: забойным парнем чуть ли не из самого Ливерпуля. К пятому курсу приятели их квартиру воспринимали уже почти как кабак и называли так: «Русановский наблюдателиат».

Мать вздыхала, но не ругалась. Тенью заходила в его комнату, как будто забыла там книгу или очки – проверяла все-таки, все ли прилично. Однажды, увидев в углу батарею пустых бутылок, тихо охнула:

– Неужели вы все это выпили?

– Мама, не виноваты же мы, что у нас такая печень, – отшучивался Костик.

Иногда, бравируя перед приятелями, Костик поддевал ее:

– Вот, мама, ты – работник идеологического фронта, а сын у тебя – пьяница. Мать только вспыхивала румянцем.

Она никогда не противилась, если кто-то из друзей оставался на ночь: понимала, что для подгулявших студентов добираться домой среди ночи небезопасно.

Однажды – это было, когда он уже учился на четвертом курсе, – мать попросила его:

– Костя, сегодня, пожалуйста, не приглашай ребят и приходи, если можно, пораньше. У нас будет гость.

Костик удивился: гостей у матери не бывало, если не считать тетю Валентину, дальнюю родственницу. В тот вечер, открыв дверь квартиры, он с удивлением почувствовал запах хорошего, «фирменного» мужского одеколona. И еще чего-то такого крепкого, нездешнего – очень приятный запах. У него смутно мелькнуло в голове: так пахнут иностранцы в «Софии».

В комнате, в кресле напротив двери, расположился средних лет мужичок: моложавый и какой-то весь целый – ничто в нем не цепляло взгляд. Потом, уже лежа в постели и думая о госте, Костик никак не мог вспомнить, во что тот был одет.

Мать, увидев входящего Костика, вскочила, как-то засуетилась. Гость тоже встал, произнес, протягивая руку:

– Сергей Владимирович Смирнов, институтский друг вашей мамы.

– Ну что ты, Сережа, говори ему «ты». Правда, Костик?

– Конечно.

Костик улыбнулся невольно, ему было приятно, что у его «мамусика» такой клевый «кадр». Он сразу почувствовал, что этот подтянутый и какой-то не совковый мужичок для матери – больше, чем просто бывший институтский приятель.

– Ну и отлично. Мы ведь с тобой, Костя, практически коллеги. Мне тоже пришлось поработать переводчиком.

– Классно, за границей? А в какой стране?

– Это я когда-нибудь тебе расскажу. А пока ты мне расскажи, как там наш КГУ, какие перспективы распределения?

В тот вечер проговорили далеко за полночь. Костику как-то сразу стало легко с маминым другом. Смирнов стал бывать у них, и очень скоро Костик убедился, что их с матерью отношения – больше, чем дружба.

Ему часто хотелось спросить, где Смирнов был раньше, почему ни разу не появлялся у них. Как-то в разговоре Смирнов оборонил фразу: «В жизни, Костя, лучше поменьше спрашивать. Надо постараться сделать так, чтобы человек сам захотел все тебе рассказать». Вот Костик и не спрашивал.

А мать – она как будто десять лет с плеч сбросила и стала частенько оставлять Костику записочки на кухонном столе: «Костя, еда в холодильнике. Поешь. Меня не жди, ночью у С.В.»

Глава 6. Из дневника Тимановича

10.09.1976

Начало второго курса. Завтра едем на картошку. Безусловно, это – «лучший» способ освоения языка и культуры. Но выбора нет.

Решил вести дневник. Для пишущего человека это так же необходимо, как гаммы для музыканта. В колхозе будет много времени. Задача: разработать художественные образы на основе реальных прототипов моих однокурсников.

14.09.1976

За три дня не нашел времени писать. Плохо!

Поселили нас в домах у колхозников. В первый же вечер парни где-то раздобыли спиртное, неудобно было отказываться. Пили что-то дурно пахнущее, очевидно – самогон, ели печеный картофель. Ну что ж, и такой опыт может быть полезен. Я предпочел бы коньяк, утку и сигару.

Мы должны собирать не картошку, а хмель. Оказалось, довольно-таки трудно: объем большой, вес маленький. А норма засчитывается по весу.

Обстановка довольно веселая, вокруг полно девчонок с филологического. Многие, как я заметил, строят мне глазки. Если бы они знали, как мало для меня это значит.

25.09.76

Нет, в колхозе вести дневник было невозможно. Тупая работа, тупая жизнь.

Наконец-то опять цивилизация. Единственный положительный момент – познакомился поближе со своими однокашниками, первый курс в этом отношении прошел довольно бесплодно. Несколько барышень уже готовы из-за меня резать себе вены. Примитивные создания. Начал писать большой роман из студенческой жизни. Главная идея – человеку с мозгами нечего делать в советском вузе.

01.01.1977

Первый день Нового года. Возобновляю дневник. На самом деле я пришел к выводу, что нет смысла писать его каждый день, достаточно фиксировать основные мысли и события, причем первые гораздо важнее. Действительно, в чем смысл записывать события и разговоры, ведь в произведении автор все равно придумывает свои. Однако некоторые сюжеты из жизни могут пригодиться для будущих произведений, например, история с Шуркой Ярцевым: ну надо быть таким лохом, чтобы за каждый день, и даже за каждую пару прогула приносить справку! Если уж тебе так повезло достать справки, так распорядись ими с умом!

Умный человек всегда найдет, как воспользоваться чужой... Ну, не будем обижать друзей.

В этом году Шурку поселили в общежитии в одной комнате с иностранцами. Отличный канал для фарцы! Хорошо, что я еще в прошлом году установил с ним дружеские отношения. Сам он не догадается воспользоваться возможностями своих новых соседей. Да и вкус его... соответствует месту рождения.

20.02.1977

Начался новый семестр. Новые знакомства, новые перспективы. Иностранцы возвращаются с каникул, самое время раскрутить их на «бизнес». Вчера говорил с Шуркой, он обещал спросить у соседей по комнате. Вообще, он приятный парень, не зря я с ним подружился. Конечно, провинциальная неотесанность бьет в глаза, но в нем есть природный шарм, юмор. Не

скрою, мне приятно, что он так внимательно, с такой детской непосредственностью, слушает все, что я ему объясняю. Вчера я согласился стать его «духовным наставником». Вот написал и сам застеснялся такой высокопарности. И зря. Почему надо принижать свои способности, хотя бы перед самим собой?

22.02.1977

Шурка оказался довольно расторопным партнером и сегодня уже притаранил из общаги от своего соседа по комнате пару батников (в упаковке!) и обалденные штанцы в клеточку. Не джинсы, конечно, но видно, что фирма! Брючата я примерил просто из интереса, оказались точно на меня! Пока что подожду их сдавать, можно и самому поносить. Выстирал, выгладил – как новенькие. В воскресенье схожу на «точку», попробую толкнуть батники.

Конечно, самое выгодное дело – пласты, но где их взять! Ничего, начнем с малого.

Дал Шурке займы с выплатой по 10 – до июня.

10.03.77

Время летит с бешеной скоростью.

Бедный мой дневничок, твои страницы остаются девственными.

Чего нельзя сказать о...

Не буду уподобляться свиноподобным жлобам, смакующим подробности.

Это произошло 8 марта, после вечеринки в общаге, с Раечкой, на которую я произвел впечатление еще в колхозе.

Два слова о ней: она не красавица, но все при ней: хороший рост, грудь, хотя руки и ноги крупноваты. Какая-то проблема с прической: волосы всегда как будто не промыты. Однако она из «наших», это – плюс. Я, конечно, не могу связывать с ней серьезные планы, но почему бы и не провести приятно время, тем более, что она сама к этому стремится.

В последнее время мне удалось провернуть несколько выгодных дел, используя Шуркиных соседей по общаге. Но по-настоящему на этом не заработаешь.

Мой роман продвигается и обрастает новыми героями и событиями. Кстати, опыт с Раечкой оказался полезен. Я сознаю, что без любовной интриги роман не будет привлекателен для широкого читателя, и буквально вынужден описывать постельные сцены в ущерб настоящей литературе. Что ж, приходится поступаться своими эстетическими ценностями в угоду толпе.

20.03.77. Воскресенье

Вопрос: кто же я такой в глазах окружающих? То, что я совсем не тот, каким сам себе кажусь, (кстати, каким?) – в том нет сомнений. Но велика ли разница? Страстно хочется иметь какое-то весомое преимущество над другими.

Посмотрел фильм «Доктор Франсуаза Гайан». Не сказал бы, что фильм слаб, но в общем – старо. Читал «Алую зарю». Чувствую, что вещь сильна, даже вижу, в чем, но детально обдумывать не хочется, не волнует.

Завтра понедельник, значит – опять военка. Тупо, тупо.

22.03. 77. Вторник

Вчера после военки увиделся с Мишей, поехал к нему, чтобы получить бабки с клиента, но тот не явился. Пришли еще чуваки с телками, взяли вина, вмазали. Кстати, там была и Таня, которая уже порядочно мне надоела. Эти ребята еще долго будут находиться в инфантильном экстазе дружелюбия. Претит мне уже врать, сколько можно.

15.05.1977

Mierda! Похоже, Р. оказалась не такой уж простушкой и пытается поймать меня на крючок. Пока не знаю, как с этим быть. Жениться на третьем курсе? Я сам себя буду презирать! Да и не такую женщину я вижу рядом с собой.

Мне нужна женщина-вамп, блондинка с дерзким взглядом и характером тигрицы, которая бы рядом со мной превращалась в ласкового котенка. Конечно, даже за такой я не буду бегать и позволять вытирать об себя ноги, как это делает мой приятель Костик. Кстати, *она* могла бы мне подойти, но я, конечно, не подам вида. Она должна сама сделать первый шаг.

А с Раечкой – это еще надо проверить. В крайнем случае, предложу ей денег. Сейчас за деньги найти грамотного врача и договориться насчет укола – не проблема. Конечно, глупо тратить таким образом с трудом заработанные деньги, но свобода дороже!

Глава 7. Распределение

Время к концу пятого курса полетело стремительно. Без пяти выпускники – переводчики уже не замечали весны, не заводили новых знакомств с умопомрачительными майскими девчонками.

Распределение – это слово выросло в огромный транспарант перед внутренним взором каждого. Большинство ребят примерно предполагали, куда отправятся работать. Но по-прежнему было непонятно, кому достанется самый лакомый кусок – распределение за границу «по военке».

После четырех лет занятий на военной кафедре, обязательных для всех переводчиков, все они формально получали звание лейтенантов-штабистов. Но фактически отслужить срочную службу в армии, хоть и в звании лейтенанта, каждый был все равно обязан. То есть хочешь – не хочешь, а два года Родине отдай. Чаще всего выпускник начинал работать, но в ближайший военный призыв получал повестку из военкомата: явиться для прохождения двухлетней срочной службы. А там уж, хоть и лейтенантом, но послать могли в любую тьмутаракань.

Вот и считай: профессия побоку, деньги – лейтенантский оклад с вычетом за бездетность и квартиру – мизерные, личной жизни – никакой.

Если же приходила разрядка из ГУКа – Главного Управления по Кадрам – это значило, что переводчик будет работать по-настоящему с языком, за границей, обслуживать наших «военсоветников» в какой-нибудь стране соцлагеря. Зарплата шла почти в валюте: чеки внешпосылторга. С ними открывался доступ в сказочные, недоступные для простых советских граждан оазисы дефицита – валютные «Березки».

Не стоило сбрасывать со счетов и то, что, поработав за границей, переводчик имел больше перспектив устроиться на престижную работу в Союзе.

В испанской группе все с замиранием сердца ждали приезда комиссии из ГУКа – Главного Управления по Кадрам.

Однажды староста группы объявил, что завтра занятий не будет и все должны явиться на военную кафедру для собеседования.

Ярцев, трясаясь в троллейбусе, – военный корпус располагался особняком, вдали от главного здания университета, – не только не волновался, но даже и не думал о предстоящем собеседовании. Ему на загранику надеяться не приходится. Связей – ноль, да еще отчисление из комсомола на первом курсе... Конечно, потом восстановили, но в личном деле все есть.

Скорее всего, поедут они с Кирюхой в Москву, к ее предкам. По беременности жены ему светит добиться свободного распределения. Он уже написал заявление в деканат и ему, вроде бы, не должны отказать.

В аудиторию, где заседала комиссия из Москвы, вызывали по одному. Ярцев, войдя, представился по военной форме, как учили. За столом трое: два «гриба» с седыми ежиками и округлыми животиками – майор и подполковник – в военной форме. Один – в штатском, молодой, но как будто после трехдневного похмелья: глаза мутные, желтоватые, под глазами мешки, цвет лица тоже – вроде загорелый, но с желтизной. Тогда будущим переводчикам было еще невдомек, что эта желтизна – неизбежный след тропиков. Начали задавать вопросы, самые обычные, анкетные. Неожиданно молодой заговорил по-испански, спросил про тему дипломной работы, попросил кратко изложить основные тезисы. Испанский его казался совсем не таким, как их учили в университете, но Ярцев не растерялся, отвечал спокойно, обстоятельно. Для него по-испански с понимающим человеком поговорить – это было в кайф. Молодой кивнул, что-то быстро записал.

Один из пожилых, тот, что сидел в центре, спросил:

– Ну что, товарищ Ярцев, в Мозамбик готовы ехать?

– Извините, товарищ подполковник, я – испанист.

– Ну так что ж, что испанист. Смотри-ка, – он повернулся к майору, – испанист он! А если Родина прикажет, сможешь с португальским работать?

– Так точно, товарищ подполковник.

Ярцев отрубил ответ на автомате, не успев подумать. Это «так точно» просто въелось за годы учебы на «военке».

– Ну! Вот это кадр! – засмеялся подполковник. А то что это, мямлят: «учили, не учили...» Свободен. Давайте следующего.

Ярцев вышел на лестницу покурить. Какой Мозамбик? Вроде про Кубу шла речь? А что, если и вправду в Мозамбик пошлют? Там партизаны, война. Наши, вроде, официально в военных действиях не участвуют, но что у нас значит «официально»? Да и как работать с португальским? Он этот португальский всего пару раз слышал, да и то – в карнавальных песенках, в общаге на дискотеке крутили.

Наконец всех пригласили войти в аудиторию. Подполковник встал и объявил:

– Товарищи курсанты. По результатам представления военной кафедры Киевского Государственного университета, а также настоящего собеседования, в распоряжение Главного Управления по Кадрам командированы курсанты: Тиманович Борис Яковлевич, Каретник Константин Вадимович и Ярцев Александр Сергеевич. Вышеназванные имеют явиться в распоряжение части 25 августа сего года. Вольно. Все свободны.

Глава 8. Москва – Мапуту

В Москве, в учебке ГУКа, переводчики Каретник, Тиманович и Ярцев, направленные на работу в Мозамбик, получили новенькие загранпаспорта и проездные документы. Позади неделя занятий, инструктаж, медосмотр, выездная комиссия райкома партии. В группе шесть человек, трое из Киевского университета и трое «ускоренников» из военного института иностранных языков.

Эти – совсем дети, лет по девятнадцать-двадцать. После поступления в ВИИЯ и трехмесячных армейских лагерей, они прошли так называемые «ускоренные» курсы языка и – вперед и с песней – «к месту службы в распоряжение ограниченного контингента Советских войск в дружественных странах народной демократии».

За неделю в учебке москвичи и киевляне попритерлись, и тем и другим было что рассказать и что послушать. Киевляне – постарше, пообразованнее, зато москвичи – понахальнее, и в отношении заграники – поопытнее. В их институте заграничные командировки – дело обычное. Они рассказывали, что брать с собой, чтобы там, в Африке, «толкнуть» местным:

– Чувачки, зонты складные, утюги, радиоприемники идут хорошо, но брать их не стоит, – Андрюха Лебедев, ускоренник, молодой, спортивный на вид, голубоглазый, с непослушной соломенной челкой – перед заграникой ускоренникам позволялось месяц не стричься – сам ехал первый раз, но говорил, как бывалый переводяга:

– Это все вещи тяжелые, заметные, много не увезешь. Лучше брать что-то мелкое, легкое. Например, берешь лаврушку. Пачка – 7 копеек, есть в любом гастрономе. В чемодан можно рассовать незаметно таких пачек – хоть 50 штук. На месте перефасовываешь в маленькие пакетики по 10 листиков. На рынке идет по 100 метикал. На это можно на неделю картошки купить. На рынке, конечно, не в кооперативе. Валюту не тратишь. Или презервативы – тоже хороший товар, и везти можно, сколько хочешь. В случае чего – для себя везу, вензаболеваний боюсь.

– Ну, это ты загнул, – перебил Миша Лионов, – чему ты их учишь! Ты таможене будешь рассказывать, что собираешься несанкционированные связи иметь?!

Киевляне никак не могли взять в толк, к чему все это. Москвичи втолковывали:

– Да пойми, мужики. Нам платят чеки. Зачем? Чтобы в Березке покупать. Или приедешь в Союз, сдашь чеки один к трем

– все, ты в ажуре! Год – за три! А там жрать надо? Где хаванину брать? На это для совзагранработников есть при торгпредстве кооператив. Все продукты – за валюту. В Союзе мясо – 2 рубля кило, а там – 4 доллара. И все так. Да если ты в кооперативе будешь отовариваться, у тебя не то, что домой привезти, но и там на жратву не хватит! Другое дело – на рынке.

Киевляне призадумались. Ничего себе – цены!

– Ну а если на рынке настолько все дешевле, кто же тогда в кооператив этот ходит?

– Да все ходят, старичок! И ты пойдешь. Там на каждого списочек открыт, и твой старший группы каждую неделю проверяет, что ты взял, как питался. Ничего не брал? На рынок ходил? А известно тебе, что рынок – не место для советского человека? И тебя, как тютю – в 24 часа на Родину. Конечно, мы Родины не боимся, и все это – формально. В основном они сквозь пальцы смотрят, сами так живут. Но совсем ничего не брать нельзя – заметут.

– Прикид хороший тоже идет, – заметил Лионов. Джинсы, батники, если есть, берите с собой, но там не трепите по-пустому. Перед отъездом сдадите местным, купите маски из черного дерева, малахит. Потом здесь, в Союзе, сделаете своему направленцу подарочек, он вам в следующую командировку хорошую страну подберет.

Для ребят из Киева все это было в новость.

– Ребята, вы здесь все знаете, может, вы словарь португальский поможете достать? – Шурка Ярцев беспокоился, как они, испанисты, станут работать с португальским. На это Андрюха засмеялся, хлопнул Ярцева по плечу:

– Ты – военный переводчик! Зачем тебе словарь? Тебе нужны только три глагола: organizar, normalizar, neutralizar. Ну и еще quanto e?

– Знаешь, Андрюха, это тебе нужны три глагола. Я профессионал вообще-то.

– Это ты сейчас профессионал. Ты, наверное, когда на языке говоришь, еще и о произношении заботишься! Не переживай, армия тебя избавит от этих проблем. Это сейчас вы все много знаете. А в конце командировки будете знать ровно столько, сколько Родина прикажет.

Приближался срок вылета. Ярцев нервничал: Кира дохаживала последние дни беременности. Они надеялись, что она родит до его отъезда, что он хоть увидит младенца, узнает кто – сынок или дочка. А она все не рожала. Врач в женской консультации посмеивалась:

– Ничего, мамаша, как созреет, так и появится, ждите, осталось чуть-чуть. В любой момент может начаться.

А в учебке ГУКа Ярцева каждое утро встречали дружным ржанием:

– Ну, ты родил?

Наконец наступил день, когда куратор их группы, или, как его еще называли, направлeнец, объявил даты вылета:

– Ярцев, Лебедев, Бутник летят 4 сентября. Ярцев направляется в учебный центр в провинции Замбези. За ним оттуда пятого прилетит вертолет. Остальные двое из этой группы остаются в Мапуту до дальнейшего распоряжения. Назначение получают на месте. Каретник, Лионов и Тиманович вылетают 11 сентября. Каретник и Тиманович, как выпускники университета, направляются в распоряжение групп советских военных преподавателей в военных училищах: Каретник – в город Иньямбане, 12 сентября за ним в Мапуту пришлют машину. Тиманович едет работать в военное училище на севере, в Нампуле. Лионов поступает в распоряжение Советской военной миссии в Мапуту. Вопросы?

Ярцев поднял руку:

– Разрешите обратиться.

– Разрешаю.

– У меня жена должна на днях родить. Прошу неделю отсрочки.

– Лейтенант Ярцев, вы в армии. Служба не может зависеть от того, когда вашей жене вздумается рожать, – голос куратора зазвенел командирским металлом, но неожиданно смягчился:

– Когда ждете-то?

– Да в любой момент, врач говорит. Уже все сроки прошли! Пожалуйста, товарищ подполковник, ну хоть на неделю!

– Ничего не могу, Ярцев. Уже сообщили по месту службы, командование по нашей просьбе вертолет за вами посылает. Вертолет! Понимаете вы это?

– Разрешите обратиться, – поднял руку Костя Каретник.

– Разрешаю, лейтенант Каретник. У вас тоже жена рождает?

– Никак нет. Разрешите мне вместо Ярцева вылететь 4-го, а он вместо меня 11-го? Он тоже выпускник университета и лекции переводил, у него опыт есть.

Ярцев благодарно глянул на Костика: «Спасибо, друг».

– Где он переводил лекции, почему в личном деле не указано?

– Я хотел сказать, экскурсии, товарищ подполковник, это почти что лекции, похоже.

– В армии, лейтенант Каретник, «почти» не считается. Что ж, думаю, мы сможем решить вопрос положительно. Вот я исправляю в списке на проездные, получайте на 4-е, товарищ Каретник. А с тебя, Ярцев, стакан, – неожиданно подмигнул подполковник.

Кира отходила беременность так, как будто ее и не было. Единственный раз, еще в самом начале, почувствовала приступ токсикоза. Сдавала сессию, оформляла в деканате академический отпуск, паковала вещи для переезда в Подмоскowie, к родителям. Однажды в троллейбусе, уже перед самым их отъездом из Киева, какая-то бабулька приблизилась к ней и тихонько сказала: сыночка носишь. А Кира и сама знала, что будет сынок. Слышала она про какие-то диковинные аппараты, импортные, конечно, которые, вроде бы, еще до родов показывали, кто родится – мальчик или девочка. Кира не очень-то верила таким сказкам. Да и не нужно ей это было. Она с самого первого месяца знала: сыночек.

К концу августа, уже в доме родителей, она почувствовала, что их с мужем отношения изменились. Они стали ближе, роднее. Лихорадочная влюбленность уступила место чувству спокойному, глубокому.

О приближающейся разлуке она как будто и не помнила, вся была внутри себя, и муж тоже как будто был внутри нее. Они, конечно, говорили о предстоящем его отъезде, собирали вещи, и в то же время она не чувствовала этого, как будто разлука не имела отношения к их реальной жизни.

За три дня до назначенной даты отъезда к ним приехали его родители. Кира знала, но в то же время как будто не понимала, что они приехали, чтобы проводить его. Она знала, что полусобранные чемоданы, рассованные под столами и по углам по всей квартире – это для него, но не сознавала и этого. Ее внутренняя, сосредоточенная на них троих – она, муж и сын – жизнь не допускала в себя ничего, что могло бы ее нарушить. Ее существо как будто стало другим: в ней одной все трое – она, муж и сын.

Однажды ночью Кира поняла, что время пришло. Она видела суету вокруг себя: чьи-то руки натягивали на нее одежду, теплый халат, пальто; видела себя, спускающейся по лестнице. Кто-то поддерживал ее под руку, потом видела себя в машине скорой помощи. Видела как будто со стороны и не понимала. Боли она тоже не осознавала. Позже, когда осталась одна на больничной койке, пришла боль, и потом боль все росла, росла, не отпуская ни на мгновение до самого разрешения.

На следующее утро после рождения сына Ярцев приехал в аэропорт. Он почти опоздал. Мишка Лионов, блестя очками и намечающимися залысинами, сунул ему полузаполненные декларации:

– Чего опаздываешь? Мы уже заполнили тебе, впиши только номер паспорта. Пошли скорее, вон Тиманович в очереди на таможенную стоит.

Когда прошли таможенную и сдали багаж, уже перед самым паспортным контролем, вдруг появился их куратор:

– Ну как, Ярцев, ты родил?

– Так точно, товарищ подполковник. Сын!

– Ну, молодец. Не зря хоть твой дружок... Информацию о своих, что четвертого вылетели, получили?

– Никак нет! А как они, нормально долетели?

– Да долететь-то долетели... Ну ладно, там узнаете. Счастливого полета, товарищи лейтенанты, – в голосе его появилась официальная твердость.

– Помните о важности задачи, поставленной перед вами Родиной, высоко несите... – он вдруг запнулся, смешался и закончил совсем по-свойски: – В общем, счастливо, пацаны, возвращайтесь.

Первый международный полет произвел впечатление на новоиспеченных лейтенантов. «Заграница» началась с аэропорта – новенький, только что открытый к Олимпиаде аэропорт «Шереметьево 2» блистал автоматическими раздвижными панелями дверей – просто подхо-

дишь, и они сами открываются! – оведал прохладой кондиционеров, а главное – благоухал настоящими французскими духами!

Полет продолжался почти сутки, с посадками в Каире, Джибути и Дар-эс-Саламе. В самолете еда, вино, сигареты! После Джибути на аэрофлотовском подносике с едой оказались даже бананы! Бананы! Вот это роскошь! Летишь, как в ресторане. Переводчики даже не успели устать от полета.

В Мапуту прилетели на следующее утро. Открылась дверь самолета – и вот он, первый глоток мозамбикского воздуха. Ярцеву показалось, что он не вдохнул, а глотнул: воздух был плотный, очень влажный и густо пропитанный резким запахом чего-то растительного и пряного, как пар над кастрюлей, когда делают ингаляцию с эвкалиптом.

Встречал их молодой парень, Эдик, переводчик военной миссии. Было странно, что он приехал за ними на родном советском «Рафике» голубого цвета. Потом они узнали, что почти все автомобили в молодой народной республике – советского производства и в большинстве своем – армейские: командирские «Газики», защитного цвета санитарные «Уазики» и огромные грузовики с брезентовым тентом – ГАЗ 66. По дороге из аэропорта жадно смотрели в окна автобуса, выхватывая глазами все самое необычное: проходили чернокожие тетки, обернутые не то в скатерть, не то в покрывало, с тюками на головах и привязанными за спинами детьми. Догадаться, что это дети, можно было только по торчащей из тряпки продолговатой головенке. Вдоль по тротуару полз на четвереньках человек – худющий, с иссушенными и задранными врасстырку голеньями и босыми ступнями. В ответ на испуганный вопрос «Что это с ним?» Эдик небрежно бросил:

– Полиомиелит. Здесь таких полно.

Странно было и то, что ехали по левой стороне дороги. Кто-то из переводчиков вдруг крикнул:

– Смотрите, смотрите, «Калинка»! – Над стеклянной витриной кафе светилась надпись латинскими буквами: «KALINKA».

Эдик привез их на симпатичную улицу, всю утопающую в ярких каскадах цветов малинового цвета. На четырехэтажном здании, перед которым они остановились, блестел латунный номер: 49.

– Вот, мужики, – сказал Эдик, – здесь пока будете, найдете Владимира Ильича. Это комендант «сорокдевятки», он вас поселит, а пока идите в столовку, сейчас как раз обед. Ярцев спросил о ребятах, которые прилетели неделю назад, но опять ничего узнать не удалось. Эдик как-то заторопился:

– Извини, старый, дел по горло, потом. А кстати, ты иди пообедай скорее, за тобой уже машина пришла из Иньямбане. Смотри, увезут, и поесть на халяву не успеешь.

Сорок девятый дом – известное на весь Мозамбик общежитие военных переводчиков. Многие из тех, кто служил в Мапуту, жили здесь постоянно, другие приезжали на день-два в командировку из провинций: получить почту, закупить на группу продукты в кооперативе. Пока обстановка в стране была спокойная, такие командировки были обычным делом. Но бывало и такое, что гражданская война вспыхивала с новой силой, и целые провинции оказывались отрезанными от столицы. Тогда совзагранработники месяцами не получали почты и вынуждены были выживать на местном – очень скудном – продовольствии.

Столовой в сорок девятом доме оказалась большая комната с длинным широким столом в центре. За столом уже сидело несколько человек.

Поздоровались, обменялись именами.

– Садитесь, ребята, сейчас подадут, – сказал плотный лысоватый дядька и коротко крикнул что-то по-португальски. Это и был Владимир Ильич. Именем своим он немного бравировал, может быть именно потому, что переводчики не упускали возможности над ним подшутить. Перед ним уже стояли две большие плоские тарелки: одна с горой риса, другая с

несколькими сильно зажаренными целыми рыбинами, каждая – чуть длиннее ладони. От рыбы шел резкий, но довольно аппетитный запах.

Ярцев подумал с тоской: «Ну вот что он сказал? Ничего не понял! Как работать буду?»

Из боковой двери вышел африканец в камуфляже с высоко засученными рукавами. В руках у него был поднос, густо уставленный высокими стаканами толстого стекла и коричневыми бутылочками.

– Вот, ребята, пробуйте пиво, – пригласил Владимир Ильич.

– Да не стесняйтесь, *ministerio paga* (платит министерство). А кстати, кто из вас Ярцев? Тебя уже с утра водитель из Иньямбане дожидается. Так что ты ешь – и вперед.

Саша уехал в Иньямбане, так и не узнав ничего про вылетевшего вместо него неделю назад Костика.

Глава 9. Счастливый Костик

Несколько недель после выпуска, перед отъездом в Москву были самыми счастливыми в жизни Костика. Все складывалось отлично. Мамусик с появлением в ее жизни Смирнова помолодела, ожила. Из суховатой серой мышки в бесформенном райкомовском костюме превратилась почти в девушку. Костик ее не узнавал. В доме появились массажеры, щипцы для завивки, баночки, бутылочки с кремами и целый ворох всяких шарфиков, курточек, шляпок, сумочек. Она даже говорить стала по-другому, в голосе появились грудные звуки, интонации какие-то, – одним словом, чудеса. Он не удивился, когда мама с робкой улыбкой спросила его:

– Костя, ты не обидишься, если я перееду к Сергею Владимировичу?

Конечно, он не обидится! Молодец, мамусик! Теперь он сможет, наконец, устроить свою жизнь. Они с Лелькой женаты уже несколько месяцев, а живут все еще в разных квартирах. Лелька не раз говорила, что вместе с матерью жить не будет: в доме должна быть одна хозяйка.

Все вышло прекрасно. Они с Лелькой стали жить по-настоящему вместе. Это было так ново, по-взрослому, что Костику совсем не хотелось прежних пирушек с друзьями.

Он с удовольствием делал простые домашние дела, ходил за продуктами и даже пытался готовить. Лелька бывала дома редко. Ей удалось сразу после выпуска устроиться на работу в Интурист, и она, как говорится, «рвала когти» – старалась зарекомендовать себя с первых дней наилучшим образом. И все равно в эти несколько недель их жизнь была так похожа на настоящую семейную.

На вокзале, когда пришло время прощаться, он вдруг подумал, что они расстанутся навсегда. Ему стало страшно. Как в детстве, когда сам себе придумывал, что за спиной стоит кто-то огромный, безобразный, – и по спине начинали ползти холодные мурашки.

Неделя в учебке ГУКа в Москве показалась тоскливо бессмысленной: опять, как уже было в Киеве, многословные объяснения правил поведения за границей, опять абсурдные собеседования: райкомовские, горкомовские. Надоевшая до тошноты «промывка мозгов». Он чувствовал так: скорее бы уехать, скорее бы отработать обязательные два года, скорее бы вернуться домой, к нормальной жизни, к Лельке.

Когда куратор назвал даты вылета, он предложил поменяться с Сашкой Ярцевым не потому, что у того жена рожала, – ему хотелось скорее уехать. Чтобы скорее вернуться. Новые впечатления, перелет, Мапуту, новые знакомые в сорок девятом доме – все это как будто подстегнуло время, приглушило томительную разлуку.

В Мапуту пришлось задержаться: самолет на Вейру, где он должен был пересест на вертолет, был только через два дня. Костик обедал, когда в столовую заглянул комендант Владимир Ильич:

– Каретник, беги вниз, там машина идет в миссию.

– А зачем мне в миссию? Я не собирался.

– Говорят тебе, беги бегом. Там ребята из Вейры прилетели, разыщешь их, узнаешь, когда летите. Ну и договорись, чтобы заехали за тобой. Они за тобой бегать не будут. Сейчас не улетишь – застрянешь в Мапуту на месяц, так начальство тебя вздует по первое число.

– Как же они без меня улетят, если они за мной прилетели?

– За тобой? Ну ты, сынок, смешной. Кто станет из-за тебя одного людей гонять! Они летят геологов искать, а тебя заодно захватят.

В начале восьмидесятых годов в странах, известных у нас как «страны народной демократии», работало множество самых разных специалистов из СССР. Советский Союз и Соединенные Штаты всеми силами старались захватить и удержать за собой сферы влияния в мире,

и бывшие колонии были настоящими и далеко не всегда холодными полями сражений «холодной» войны.

Как говорят: нет худа без добра. В тени большой политики маленькие люди решали свои насущные проблемы: африканские пацаны ехали в Союз, на Кубу, в Болгарию получать бесплатное образование. В затерянные в саванне поселения приезжали настоящие врачи: кубинские, советские. Проводили вакцинации, спасали от малярии, холеры, полиомиелита.

В Африку ехали работать строители, механики, летчики, рыбаки, преподаватели, врачи, геодезисты, геологи, – трудно сказать, людей каких специальностей там не было. Для советского человека попасть работать в Африку – это была удача. Два-три года работы по контракту давали возможность заработать столько, сколько рядовой специалист мог заработать дома за десять лет. Конечно, приходилось трудиться в отрыве от семьи, в тяжелейших, часто опасных условиях, но это никого не останавливало, люди буквально «лезли из кожи вон», чтобы получить заграничный контракт.

В Мозамбике геологи работали на севере страны, в провинции Замбези. Искали танталовые руды, природный газ. Было несколько больших групп, сменами работавших в палаточных лагерях, или, как они говорили, в поле. В августе 1980 года Советскому посольству стало известно, что одна из групп захвачена вооруженной бандой, одной из тех, что называли себя МНС (Мозамбикское Национальное Сопrotивление).

В захваченной группе было 25 человек, двое были найдены убитыми в разгромленном лагере. Судьба остальных оставалась неизвестна. Предполагали, что их взяли в заложники и что бандиты из МНС выйдут на контакт с властями с предложением об обмене пленными или используют пленников для какого-то политического хода. Однако прошло несколько недель, а об исчезнувших людях не было никаких сведений. Уже несколько раз посылали вертолет на поиски геологов.

Военная миссия для «военспецов» – все равно что посольство для гражданских. Почти своя страна. Располагалась она в бывшей гостинице: главное нарядное здание с широкой лестницей и колоннами, вокруг несколько небольших корпусов, обширная территория с волейбольной и теннисной площадками, с открытым – под навесом – кинотеатром, где по вечерам крутили советские фильмы, кроме того «распредпункт» – магазин, где можно было по безналичке, под запись, купить «наши» продукты. Был и «красный уголок» – специально отведенная комната, где можно было посмотреть «наши» газеты недельной давности (Аэрофлот летал раз в неделю). Здесь же получали почту, раз в неделю принимал советский врач, и по пятницам проходила обязательная для всех, кто оказался в данный момент в Мапуту, «политинформация».

Костик забежал в красный уголок, просмотрел неразобранные конверты и тут же подумал: «Вот дурак. Сам же прилетел последним рейсом. Какие могут быть письма!» Глянул мельком на афишу. Сегодня вечером опять Рязановский «Гараж» – все уже видели, а все равно каждый раз – полный зал.

Выходя из Красного уголка, увидел Эдика. Эдик встречал в аэропорту всех военных, прилетающих в Мапуту, это входило в его служебные обязанности. Все знали его, и он знал всех. Эдик проводил Костю в комнату, где остановились приехавшие из Нампулы.

– Вот ваш новый переводчик, Костя, из Киева.

Обменялись рукопожатиями. Их было трое: два летчика, оба лет по 30–35, Толя и Семен, и довольно немолодой уже мужичок, назвавший себя по фамилии: Кулагин. Никто из них не был похож на военных: обычные брюки, обычные рубашки в клеточку с коротким рукавом, не слишком отглаженные. Легкий запашок пота, заметно запущенная стрижка. Толя и Семен сидели напротив друг друга на узких панцирных кроватях. На тумбочке между ними стояло несколько бутылок пива, на газете разложена вобла. Кулагин стоял у стола, заставленного кон-

сервными банками, бумажными пакетами, упаковками с печеньем, вермишелью, гречкой. С ним рядом на стуле – большая картонная коробка, куда он укладывал продукты.

– Ну как, все купили? Письма получили? Когда летите? Ого, откуда вобла? Борисыч, что это у тебя за коробка, где ты ее откопал? – Эдик был на «ты» со всеми, кроме непосредственного начальства. – Она же развалится сразу. погоди, не пакуй, я тебе вечером хорошую крепкую тару притараню.

– Ну, Эдик, ты трещотка, – усмехнулся Кулагин. – Не хуже моей Нины Павловны. Сыру вот не досталось, не знаю, как и покажусь. В прошлом месяце наши бабы чуть не подрались, когда сыр делили.

Семен подвинулся на кровати ближе к подушке, хлопнул ладонью рядом с собой:

– Садитесь, ребята, примите по пивку.

– О, это мне полезно! – Эдик даже зажмурился от предвкушаемого удовольствия. – От пива толстеют!

– Какая ж в этом польза? – Кулагин похлопал себя по округлому брюшку.

– Тебе, Борисыч, не понять. А вот мы с Костей ложимся в ванну и всплываем!

– Что, прямо вдвоем? – все компания дружно заржала.

– Это вас не касается! – нисколько не смутился Эдик и продолжал: – Ну все, мужики, хорош, напугаете новенького. Видишь, Костя, с кем тебе придется работать?

Костя про себя подумал: «вроде нормальные мужики, можно работать».

Вылетали на следующее утро. Транспортный АН-26 под завязку был забит какими-то ящиками. Летели невысоко, было хорошо видно землю. Костя приник к иллюминатору. Быстро промелькнули городские кварталы, пошли редко разбросанные пригородные поселения с ниточками дорог. Их становилось все меньше. Началась саванна. Невысокие растения: то ли кусты, то ли деревья. Изредка виднелся одинокий, во все стороны растопыривший короткие толстые пальцы, баобаб. Желто-серая саванна вскоре сменилась изумрудными зарослями, заблестела широкая Лимпопо.

«На широкой Лимпопо
Где гуляет Гипопо»,

– вспомнилось Косте.

В Вейре не задержались, следующим утром, едва рассвело, они подъехали к стоящему в стороне от основной полосы аэродрома вертолету. Раньше Костик никогда даже не видел военного вертолета, не то чтобы летать. Внутри вертолет оказался огромным, пустым, жестким и очень шумным. Грохот стоял оглушительный. Кулагин протянул Косте пару наушников. Стало немного потише.

– Мы покружим немного в одном месте, – прокричал Кулагин Косте. – Может, увидим кого.

– А если найдем, садиться будем?

– Вряд ли найдем, это так... Скорее всего, им уже не поможешь.

Вертолет взлетел.

Они летели на Северо-Запад. Вскоре по наклону вертолета стало понятно, что он описывает широкую окружность. Костя заметил мелькнувший среди зарослей изгиб земляной дороги, она была ярко-оранжевой. Костя вспомнил: красная почва. Читал. Через некоторое время увидел опять тот же изгиб. На дороге появились человеческие фигурки. Костя почувствовал, что вертолет стал резко снижаться, и тут же, немного в стороне от дороги, стали видны яркие вспышки. Он не понял, что это, привстал и наклонился к окну, пытаясь увидеть, что там, под брюхом вертолета. Вдруг вертолет сильно подбросило. В наушниках раздался рвущийся

матерный крик. Вертолет опять сильно подбросило. Костю швырнуло к противоположному борту, его голова со всего размаху ударилась о металлическую стойку. В глазах ослепительно вспыхнуло.

Глава 10. Страницы из дневника Тимановича

24.09.80

Вот и опять мы с тобой встретились, мой дневничок. Долго же ты пролежал в дальнем ящике моего стола, дожидаясь своего часа. Что ж, на ближайшие два года ты, пожалуй, будешь моим единственным собеседником. Думаю, уж теперь-то ты не будешь обделен вниманием хозяина. Чем еще заполнить бесконечные вечера в этой беспросветной африканской глуши?

Кратко вспомню события трех минувших лет. С Р. тогда все получилось лучше, чем я мог предполагать. Денег она не взяла, но в сентябре явилась на третий курс, стало быть, умница, решила проблему сама. То, что проблема все-таки была, я узнал из надежных источников. Кто бы тогда знал, что это был не конец, а только начало нашей истории.

Но все по порядку. Мои бизнес-проекты имели неожиданные и, как мне тогда показалось, катастрофические последствия. Однако со временем стало ясно, что все не так уж плохо.

В один из дней, после удачного посещения «точки», ко мне подошел человек и спросил, не могу ли я достать кое-что для него. Мы разговорились. Конечно, я не хотел иметь дела с совершенно незнакомым человеком. Но он предложил очень хорошую цену. Я не устоял. Теперь я понимаю, как я был наивен. Сделка оказалась предложением для шантажа. Меня охватила паника, пришлось пойти на все его условия. Тогда я был очень подавлен, но в последствии оказалось, что в этом нет ничего особенного. Я помогал ему до пятого курса, и за все время НН не потребовал от меня ничего такого, что бы заставило меня устыдиться. Он сразу предупредил, что я не должен вести никаких записей, вот тогда и пришлось отказаться и от дневника, и от романа. Как я потом узнал, я был не один такой на нашем курсе.

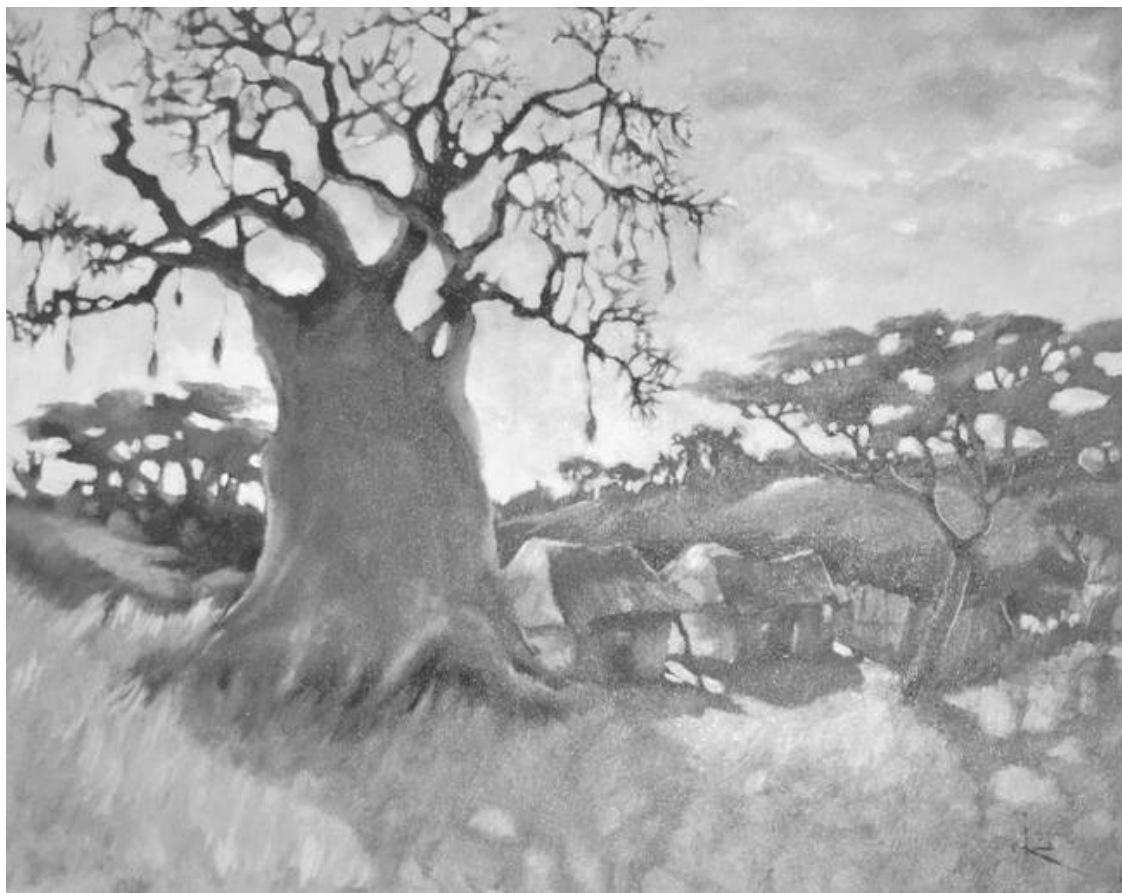
НН обещал помочь с работой после окончания университета. Надо отдать должное, обещание было выполнено. Когда стало известно, что есть возможность попасть по военке за границу, я сам проявил инициативу и связался с НН. Это было уже на пятом курсе. Он обещал помочь, но сразу предупредил, что надо жениться.

Тогда я подумал о Р. Возобновить отношения не составило труда, и очень скоро она стала моей женой. Думаю, я сделал правильный выбор. Она хозяйственная, прекрасно готовит, шьет и без ума влюблена в меня.

Собираясь в поездку, я нашел в дальнем ящике шкафа этот дневничок и решил взять его с собой. Здесь некому совать нос в мои записи.

15.10.1980

Вот уже почти месяц я в Африке. Начал привыкать к экзотике, а поначалу все было необычным. Становится все жарче, ночью еще ничего, но в 7:30 утра, когда я выхожу на работу из дома, уже припекает так, что ручка двери становится раскаленной.

В квартире, вернее маленьком бунгало, в котором я живу, есть только холодная вода, но, похоже, нагреватель воды, о котором я задумывался с первых дней, не понадобится. Вода из-под крана уже сейчас течет теплая. Что же будет дальше?

В училище, где я работаю, мне выделили денщика, негра. (Кстати, странно: здесь меня предупредили, что это слово считается в Африке неприличным.) С ним бывает забавно поговорить. Дитя природы. Когда я посетовал на отсутствие нагревателя для воды, он сказал:

- Не волнуйтесь, сеньор, вода скоро потеплеет.
- А как же сейчас помыться? – спросил я, на что он ответил:
- А сейчас мыться не надо. Жары ведь нет, мы не потеем.

Это он погорячился. Он-то потеет. И воняет! А вообще, условия неплохие. У меня на одного три, хоть и маленькие, комнаты. Холодильник, электроплитка, вентилятор. Мебели, правда, почти нет: кровать, пара стульев, стол, два сильно потертых кресла. Туалет, душ – это все довольно новое. Надо будет раздобыть в училище хотя бы письменный стол. С собой я привез маленький магнитофончик с радиоприемником. Но ловит только местную радиостанцию. Каждое утро я слышу позывные: «De Rovuma ao Maputo». Пару раз прорывалось юаровское радио «Radio 2000».

20.10.80

Сегодня день рождения Шурки Ярцева. Хорошо бы поздравить, но как? Мы хоть и рядом, в каких-то 400 км, а связь как таковая отсутствует. Он, я слышал, тоже в училище, только пограничном.

Договорился с Жозе, моим денщиком, что он два раза в неделю будет приносить мне фрукты с рынка. Платой за это я пообещал ему те тошнотворные консервы, что мне еженедельно выдают в училище.

1.11.80

Африканская жизнь становится рутиной. Утром – умывание почти горячей водой, условный завтрак: галеты, масло, чай. Кстати, чай здесь шикарный, юаровский, называется «5 Roses».

Работа в училище проста и тупа до отвращения – перевод инструкций, которые наши спецы производят для местных. Лекции я пока не переводил, этим занимается второй переводчик, но скоро он уезжает, так что это будет моя работа. Не думаю, что это будет очень интересно. Тексты лекций, а также написанный перевод (кто-то из предыдущих переводяг постарался) не меняются уже несколько лет. Я работаю в группе из 5 советских военных специалистов. Четверо читают лекции по военным дисциплинам. Один – старший группы, его зовут В.К.П. -осуществляет общее руководство, пишет отчеты, выпускает стенгазету и ездит в Мапуту при любой возможности.

Ему уже за 50, седоватый, с брюшком, но прямой, с выправкой. Он же у нас и председатель так называемой «спортивной организации», членами которой мы все должны быть. На самом деле это закамуфлированные партийная и комсомольская ячейки. В нем я сразу узнал человека определенной специальности. Больше всего он опасается провокаций от скрытых врагов.

Остальные члены нашей группы – личности довольно банальные. Вообще, наших здесь много, есть группа врачей, есть моряки, рыбаки, геологи. Пассажирский рейс в Мапуту раз в неделю, так что почта и газеты приходят регулярно.

После работы делать решительно нечего. Я немного гуляю, потом прихожу домой, съедаю приготовленный стараниями Жозе ужин и сажусь за свою главную работу: пишу философский труд.

12.11.80

Жара стала просто навязчивой. Ставлю на ночь бутылку воды в холодильник, чтобы утром умыться прохладной. Ночью просыпаюсь от того, что простыни становятся мокрыми от пота. Сегодня принимал душ среди ночи. Вентилятор гоняет горячий воздух, но толку от него мало. Кажется, что голова пухнет от жары. Мыслей нет. Во всем организме только одно желание: прохлады.

17.11.80

Жозе – довольно полезен. Кроме того, что он готовит, моет посуду, убирает, стирает, гладит, с ним еще и забавно поговорить. Интересно, что он, как и все местные, о том, с кем беседует, говорит в третьем лице. Вот наш сегодняшний диалог (мы говорим, конечно, по-португальски):

- Жозе, ты что такой мрачный?
- Нет, сеньор, я веселый. Но у меня очень большая проблема.
- Какая же у тебя проблема?
- Семейная, сеньор.
- Разве ты женат?
- Нет, сеньор, мне еще рано жениться.
- Как так, сколько же тебе лет?
- Двадцать шесть, сеньор.
- Разве это рано?
- Да, сеньор. Вот мои дети вырастут, станут работать, помогут мне накопить на женитьбу.
- Разве у тебя есть дети?
- Трое, сеньор. И скоро будет еще один.

– Как же так, сначала дети, а потом жениться?

– Да, сеньор, у нас так. Сейчас я коплю, чтобы помочь жениться моему отцу. Нас у него шесть сыновей. Было восемь, одного взял крокодил, когда он был маленький. Еще одного взяла малярия. Этого жалко. Он был уже взрослый и работал. Мы все копим, чтобы отец мог жениться на матери. Нехорошо, сеньор, умирать неженатым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.